

Рассмотрены два концепта – «чувство места» (Дж. Роуз) как способ самоидентификации горожанина с пространством и пространственное сознание, представляющее собой трехчастную структуру (включает феноменологический, репрезентативный и интенциональный уровни организации), в которой реализуются стратегии городского планирования. Показана тесная взаимосвязь политической онтологии города, символических систем города и борьбы за территориализацию городов. Проанализирована связь научного метода и способов западной самоидентификации, указана роль городов-утопий, языка и городских мифологий в политической активности городского пространства.

Ключевые слова: городское пространство; пространственное сознание; урбанизм; политическая онтология; городская мифология; самоидентификация. /

The article considers two issues: the “sense of place” (G. Rose) as a way of self-identification of the citizen within urban space, and spatial consciousness, which is a three-part structure (includes phenomenological, representative and intentional levels of organization) in accordance with which urban planning strategies are embodied. It is shown that there is a close relationship between the political ontology of the city, the symbolic systems of the city and the struggle for the territorialization of cities. The article also analyses the connection between the scientific method and the ways of western self-identification. Moreover, it indicates the role of utopian cities, language and urban mythologies in the political activity of urban space.

Keywords: urban space; spatial consciousness; urbanism; political ontology; urban mythology; self-identification.

«Чувство места» и пространственное сознание / The “Sense of Place” and Spatial Consciousness

Введение

Специфика социальных отношений в городе определяется их пространственным характером. В акторно-сетевой теории, используемой в рамках политической географии для анализа распределения ресурсов и структуры властных отношений, в качестве ключевых применяются категории детерриториализации/ретерриториализации и топологии пространства и агентов, которыми в равной степени могут служить материалы, объекты и технологии. Джон Ло, критик акторно-сетевой теории, в своей книге «Организуя современность», утверждает, что «нет никакого социального порядка. Есть только бесконечные попытки упорядочивания» [1, р. 101]. Он рассматривает проблему практик социального упорядочивания и устанавливает принципы, в соответствии с которыми акторы утверждают себя в качестве агентов. Их деятельность динамична: они определяют, скрывают, удерживают и мобилизуют части, нуждающиеся в структуризации. Способы, которыми эти действия осуществляются, раскрываются через метафору «тактик перевода». Это не только работа по выстраиванию сети, но самоидентификация акторов, служащая их превращению в действующую силу, генерирующую власть в сети. Ключевым процессом анализа становится «декодирование техник упорядочивания тех, кто будет обладать властью. Оно демонстрирует, как они [агенты] переводят, скрывают и получают ресурс из сетей, которые их создают» [1, р. 105].

Структурный и реляционный уровни города отражены в особенностях его пространства, а понимание сложностей установленных связей ярко или, напротив, слабо артикулирует стратегии дальнейшего развития. Сложность городских исследований, по сравнению с социальной теорией в целом, заключается в необходимости трактовать отношения с учетом пространственного измерения. Это приводит к необходимости глубокого понимания статуса и природы городского пространства. В данной же работе этот вопрос сужается до более специального: какие стратегии самоидентификации горожан возможны в городе и как с этим связаны вопросы чувства места и пространственного сознания?

«Чувство места» и стратегии самоидентификации горожан

Эти проблемы тесно переплетаются в рамках постановки вопросов о «чувстве места» – самоидентификации человека через принадлежность или отрицание окружающей его среды и пространственного сознания, связанного со «схватыванием» феномена города, его репрезентации и интенциональных, направленных изменений порядка его организации. По утверждению Ю. Палласмаа, «мы становимся частью места, и оно становится нашей частью, в то время как пространство обречено оставаться концептуальной абстракцией» [2, р. 11]. Другими словами, люди находятся в постоянном утверждении, переопределении, разрывах и поисках связей с пространством в широком фундаментальном смысле и с местом – в локальном. Актуализация локального при этом приравнивается к сложной навигации среди «мест», определенных структурами и кодами культуры, актуализированными в сложной городской топологии.

«Чувство места», как его определяет Дж. Роуз, объединяет место с возможностью поиска идентичности. В рамках человеческой географии это чувство указывает на глубокий резонанс мест и личных переживаний жителя города настолько значимый, что приводит к запуску процесса личной идентификации. Мы можем чувствовать себя принадлежащими месту, противостоящими ему или вовсе не ощущать никакой связи. Категория места сложна и является «одной из самых теоретически и политически нагруженных проблем» для исследователей социальных наук [3, р. 88]. «Чувство места» можно было бы также определить как чувство пространства, ограниченного в соответствии с набором отдельных идентичностей. Место здесь также рассматривается как инструмент, часть методологии, фиксирующей отношения агентов города разного уровня, от отдельных личностей до институций, движений и объединений.

Дж. Роуз, выстраивая свою трехчастную схему синхронизации с местом, усматривает следующие стратегии, представляющие три модуса одного и того же комплексного процесса идентификации: идентифицироваться с местом, идентифицироваться в противоречии с местом, не идентифицироваться.

текст

Алина Костина
Московский городской педагогический университет

text

Alina Kostina
Moscow City University

Исследование выполнено в рамках проекта «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики», поддержанного грантом РФФИ № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288 Discursive Transformations of the Modern City: Coordinates of Russian Urban Studies: <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>)

> Рис. 2. Linked Hybrid ночью. Водные поверхности используются для отражения световых эффектов (<https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0>)



v Рис. 1. Изначальная идея проекта Стивена Холла Linked Hybrid в Пекине: 8 башен, соединенных мостами, и его ассоциация с картиной А. Матисса «Танец» (1910) (<https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0>)



Первый из способов – идентификация с местом – сопряжен с реализацией идеи масштаба: она может происходить на локальном, региональном или глобальном уровнях. Здесь следует рассматривать пространство с точки зрения его топологии, то есть учитывать не метрическое расстояние, а близость устанавливаемых внутри города связей. На любом из обозначенных уровней эти связи могут стать тесными, превращая идею подобного иерархического деления пространства по масштабу в относительную. Возможно одновременное действие и идентификация сразу на нескольких уровнях в соответствии с актуализированными на данный момент связями: мы можем поддерживать локальный бизнес, купив продукты местного фермерского хозяйства, выступать за открытие нового общественного пространства и делать вклад в глобальный проект защиты природы, придерживаясь определенных этических установок, связанных с защитой окружающей среды. Посещаемые места, события, предпринимаемые действия формируют как личную, так и городскую топологию, в которой происходит определение и самоопределение человека.

Однако вопрос идентификации с местом, если смотреть на проблему через призму феноменологического подхода, связан не только со средой, но и с инструментами, доступными индивидам. Их использование может быть ограничено рядом эпистемических искажений и сенсорной депривацией как установок формируемого городского пространства, формирующих «интернали-

зированный и автономный дискурс, не заземленных в нашей общей экзистенциальной реальности и желаний» [2, р. 26]. Идентификация с местом, отражающем доминанту нарциссической визуальной, интеллектуально ориентированной культуры становится не вполне доступной или желаемой. Скорее она превращается в два типа отношения с местом, описанными ниже.

Недостаточно идентифицировать себя с местом для целостности опыта, необходимо дополнять это и определением «против» или «в противостоянии». «Идентичность и место артикулированы не только позитивно через список элементов, с которыми мы идентифицируемся, они также структурированы в отношении восприятия групп и мест в качестве «других»» [3, р. 96].

Важно раскрыть механизмы формирования представлений об «иной» городской среде. Представление здесь противопоставляется опыту и свидетельствует о выстраивании множества интерпретаций объекта, подлежащего рассмотрению. Для идентификации в противовес другому месту наши представления о нем должны быть содержательно наполнены, иначе выстраиваемые оппозиции будут пустыми. В этом противопоставлении устанавливаются также и наши ценности. Пространство является и возможностью, и препятствием для действий: получение опыта противостоит созданию «мифологии мест», в которых мы не бывали. Вырабатываясь со временем, дополняясь все новыми элементами, содержащими описание, картографирование, множественные интерпретации, мифология города превращается и в строгую систему, и инструмент, оптику трактовки фактов. Она содержит в себе как привлекательные элементы того, чем мы не обладаем, но хотели бы адаптировать, и чем-то отталкивающим, которое мы не только не принимаем, но и желаем исправить в «другом». Через эту оппозицию устанавливается система ценностей и стратегий действия – поддержания стабильности, гомеостаза системы и борьбы с ее кризисом в рамках города.

Идея трехчастной формы идентификации с местом Д. Роуза на практике может быть соотнесена с комплексом Linked Hybrid (2009) в Пекине, построенным Стивеном Холлом. По словам самого архитектора [4], ключевой идеей проекта еще до начала его реализа-



< Рис. 3 Linked Hybrid в Пекине. Вид на часть комплекса днем (<https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0>)

ции стал микроурбанизм, или «город в городе». С. Холл критикует типичный сегодня способ застройки высоких монофункциональных зданий, лишенных общего пространства и соответствующего «чувства пространства». Он противопоставляет этому проект-гибрид объединенных общей территорией жилых башен, дополненных множеством инфраструктурных объектов, включающих, помимо прочего, зеленые сады на крышах, общественные пространства и кафе. Комплекс был удостоен ряда архитектурных премий, в том числе за высокую экологичность и энергоэффективность.

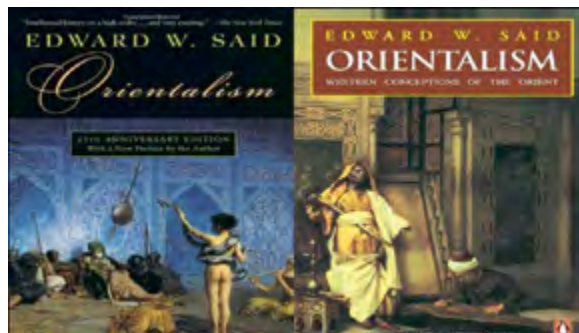
Этот проект позволяет горожанам идентифицироваться с местом, так как он в полной мере отражает принцип локальности – причастности к обозримому уютному пространству в многомиллионном городе. С другой стороны, этот комплекс именно как «город внутри города» дает возможность противопоставлять место глобальному пространству мегаполиса, минимизируя взаимодействие с ним. Третий принцип не – идентификации с местом проставляет собой сюжет для не – резидента этого комплекса, выбирающего другую систему самоидентификации с пространством. Возможно, это связано с другим культурным кодом или желанием большего «смешения» со средой.

«Ориентализм» Э. Саида [5] до сих пор остается одной из самых влиятельных философско-антропологических работ в методологическом и политическом плане. Это книга не о Востоке, а об инструментах и методах самоидентификации Запада. Из «киного» пространства Востока необходимо впитать недостающую западным городам духовность; в то же время это – территории, «недостойные» хранения собственного культурного наследия, что неоднократно было отражено даже в способе оформления обложек книги Э. Саида (рис. 4). Варвары, сметавшие некогда города на своем пути, должны заплатить культурными артефактами, самое сохранное место которых – западные музеи.

Музеи изолируют, обесточивают связь артефактов с собственной историей, оказываясь под монополистической властью универсального метода и единственной интерпретации. В этом воплощается логика завоевания, тут же возможна параллель с научным методом, направ-

ленным на универсализацию. Унификация пространства должна происходить по единому образцу западного универсализма. Научный метод не имеет измерения времени, он аисторичен. Такими же становятся и территории: тезис о варварских разрушениях городов не включает в себя идею подобных «набегов» представителя западной культуры полководца Александра Македонского, мультиплицировавшего одну городскую модель на завоеванных территориях.

Несмотря на то, что формулировка «чувство места» имеет психологические отсылки, чувства как индивидуальные проявления определяются в городе не только через эмоциональный опыт, но и через специфику системы, в которой реализуются, в частности, через структуры власти. Э. Барри производит различие политики (politics, англ.) и «политического» (the political, англ.). В сферу «политики» входят политические институты и «способы кодификации институциональных и технических практик» (цит. по Muller [6, p. 31]). Основной задачей этих практик является урегулирование конфликтов. Парадоксальным образом это является проявлением анти-политики, уничтожающей соревнование и превращающей решение политических вопросов в технические. «Политическое», выступающее на уровне политической онтологии, отражает более общую борьбу за артефакты и практики. На уровне политической онтологии множественность идентификаций людей с местом приводит к плюральности самой онтологии пространства.



< Рис. 4. Обложки книги Э. Саида «Ориентализм» (<https://timeforcook.ru/orientalism/kniga.html>)

> Рис. 5. Фондако-деи-Тедески (немецкое подворье) в Венеции. Ныне – одноименный торговый центр, принадлежащий группе Benetton (redeveloper.ru)



Согласно онтологическому пониманию политического, оно пронизывает все городские процессы, реализуясь в борьбе за власть. В городе физическое пространство отражает это состояние конкурентного соревнования, проявляющегося в непрерывной территориализации капитала и смыслов, которые оказываются в серьезной взаимной зависимости. Смыслы, в свою очередь, связаны с процессом культурной интерпретации мира и пространства, в том числе физического. Проведение культурных и социальных различий в городе зачастую совпадает с реальным обозначением границ районов и территорий. Общественные пространства отделяются от частных, районы отличаются по престижности, уровню инфраструктурного развития, экологии и безопасности. Идея локализации групп, формирование гетто, экономическая и социальная демаркация пространства сопровождаются в исторической перспективе развитие городов. Городское пространство существует в разнящихся установках принятия/отторжения людей, населяющих его, вследствие чего разные стратегии идентификации с местом приводят к созданию противоречивого социального ландшафта. Примером может послужить почти каждый город-мегаполис или исторически значимый центр культурного и политического влияния.

Карта средневековой Венеции удивляет количеством обозначений места жительства сегрегированных национальных групп: евреи, греки, турки, персы, армяне, албанцы – все жили в отдельных, отведенных для них районах. «Джетто Векьо» и «Джетто Нуово» – два венецианских гетто, использованных для сегрегации евреев, бывшие территории литейного производства, заброшенные и отдаленные от центра города. «Джетто Нуово было ромбовидным куском земли, окруженным со всех сторон водой; здания, выстроенные стеной по краям, оставляли открытое пространство в центре. Только два моста соединяли его с остальной городской тканью. Если оба моста закрыты, Джетто Нуово могло быть изолировано» [6, p. 231].

Другой венецианский пример – здание Фондако-деи-Тедески, дворец, являвшийся немецким торговым подворьем (рис. 5).

Пристальное внимание со стороны властей сначала носило экономический характер: всех немцев фактически принудили жить в одном пространстве, чтобы те исправно платили налоги и таможенные пошлины (рис. 6). В 1479 году правительство выпускает декрет о том, что «после заката окна должны быть закрыты, а двери в Фондако заперты – снаружи» [6, p. 228]. С началом Реформации к экономическим соображениям по изоляции немцев добавились и религиозные: боязнь ересей, уводящих от католицизма в сторону протестантизма.

В богатой Венеции, центре активной международной торговли, принципы территориализации капитала ярко выражены. Борьба за территорию одновременно становится борьбой за право интерпретации мест – не только наделения, но и исключения «киных» смыслов, в оппозиции которым должно происходить самоопределение горожан.

Определение через оппозицию с тем, чем нечто не является, есть «фундаментальное свойство производства знания на Западе» [3, p. 103]. Конструирование разрыва, разницы в ценностных и прагматических установках становится одним из самых эффективных инструментов управления идентичностью. В отношении к этому различию происходит регуляция смыслов. В зависимости от того, насколько дружелюбен или враждебен «другой», с установками которого мы соотносим себя, определяется и наше публичное участие в жизни гражданского сообщества, нашего одобрения происходящего в публичной сфере [8].

Пространственное сознание и политика территориального планирования

Представленная выше западная модель идентификации воплощает собой одновременно логику производства знания и политического, в частности, территориального доминирования. Здесь оппозиции научного и пространственного выглядят как универсализация метода – гомогенизация территории, методологического редукционизма – пренебрежения исторической и культурной спецификой подвластных территорий. Эффективность данного метода заключается в идеальном слиянии научного и идеологического принципов, которые в практике



< Рис. 6. Жилое и торговое пространство Фондако-деи-Тедески (redeveloper.ru)

систематизации, редукции и следования заданной системе смыслов становятся неразличимы. Универсализация интуитивно связывается с объективностью и рациональностью, за которыми трудно разглядеть притязание на монополистическое доминирование определенных смыслов, не допускающих «кинаковости». Принадлежность другой системе рассматривается в антинаучных категориях иррационального, фрагментарного, этически недопустимого. Научные методы городского планирования и управления вытесняют из публичного пространства саму возможность делиберативной практики, живого, в духе Агоры, диспута. Горожанам предлагается выбирать из заданного списка возможностей. Алгоритмичность и технократичность принятия решений из эффективного метода превращается в идеологию.

При этом город, полный противоречий, оказывает сопротивление. Помимо «чувства места», рациональное начало относит к активному аналитическому процессу, связанному с реализацией пространственного сознания. Для философии проблема сознания, его соотносительности с телесными практиками не теряет своей актуальности и также активно обсуждается в когнитивных науках. В контексте урбанизма необходимо локализовать рассмотрение вопроса до городского пространственного сознания. Эта категория также становится ключевой для идентификации горожан, с одной стороны, и осуществлении городского планирования – с другой. В рамках соображений Д. Галланда и М. Греннинга [9] структура пространственного сознания трехчастна и состоит из феноменологической, репрезентативной и интенциональной организации и связанных с ними содержаний.

Феноменологическая организация нашего внутреннего мира позволяет нам переживать конкретный опыт явления, базирующийся на чувственных и когнитивных способностях. В процессе восприятия формируется ментальный конструкт феномена, проектируемый обратно в мир. Э. Левинас описывает это конструирование, особо подчеркивая свет как условие переживания феномена и смысла одновременно, как то, что позволяет «окутать внешнее внутренним», подчеркивая, что «благодаря свету объекты являются миром, то есть принадлежат нам. Собственность – составляющая мира: она дается и вос-

принимается посредством света. Восприятие как основа всех наших ощущений – источник собственности в мире» [10, с. 28]. При этом необходимо заметить, что собственность тут понимается в качестве выраженного и приобретенного смысла одновременно, оформленного видения – порожденного и артикулированного смысла. Это область суждений о свойствах явления и ожиданий от него. В практиках городского планирования это область напряжения между традицией и инновацией. Этот уровень представлен опытом пространственных концептов и архетипов «места», «города», «региона».

В основе репрезентативной части лежит возможность узнавания паттернов, различение, отделение одного феномена от другого. Опыт явления на данном уровне можно превратить в его образ. Идентификация феноменов кроется в процессах символической абстракции, связанных с миром концептов, текстов, лингвистических механизмов и чисел. «Схватывание» мира предполагает целостность процесса, противоположную, согласно М. Мерло-Понти, объективному мышлению, наполненному предрассудками, разрывающими связи вещей и субъектов. Он противопоставляет этому идею, что «вещи являются сущностями среды, и любое отчетливое восприятие вещи живет за счет предварительного общения с определенной атмосферой» [11, с. 411]. В городском пространстве на этом уровне различаются функциональные, структурные, символические особенности. Наряду с этим мы отмечаем коммуникации, обсуждения, решения, базирующиеся на репрезентациях пространства. Здесь реализуемые проекты и множественные коммуникации отражают сложный уровень организации, где, согласно представлениям феноменологии, вещь «схватывается нами изнутри, воссоздается и переживается нами в той мере, в какой она связана с миром, основные структуры которого мы несем в себе» [11, с. 418]. Структуры, которые мы «несем в себе» можно трактовать как множественные культурные и исторические коды, конституирующие попытки интерпретации и организации пространства. Это переносит нас в область активных интенциональных действий.

На феноменологическом уровне происходит «схватывание» явлений: если на репрезентативном – различение структурных особенностей, принципов функциониро-

вания и связей, то на последнем, интенциональном, главным становится действие на основании полученных данных. Речь идет уже не об узнавании и демаркации отдельных паттернов, а об их схеме, структуре. С точки зрения города это часть сознания, отвечающая за идеологическую и утопическую ментальность. Активное начало здесь проявляется в реализации воли во времени, она имеет прямое отношение к идее порядка, сохраняет, разрушает или переопределяет его. Лучшим примером содержания этого уровня организации служат утопические проекты городского устройства или реальные планы по трансформации городских районов.

Хотя в определении интенционального уровня фигурирует идея сохранения пространства, если обратиться к утопическим проектам, мы увидим в них посыл радикального недовольства в связи с тем, что город проявляется феноменологически, как «схваченные» ритмические паттерны противостоят идее всеобщего благоденствия. Города-утопии – это воплощение социального недовольства, сконцентрированного в альтернативной материальной форме устройства города. Время тут понимается в определенном смысле: как то, что нужно стереть, уничтожив все слои и артефакты истории. Время нужно завоевать либо поменяв его ритмику, либо уничтожив его вовсе. Борьба со временем при этом субъектна и субъективна; человек здесь находится «в ясном свете утопии»: «Вне любой укорененности и любой принадлежности, – безродность как подлинность!» [10, с. 353]. Эта «безродность» и становится синонимом борьбы и преодоления структур, руководящих способами переживания и интенционального действия в мире.

В качестве критики обозначенных Д. Галландом и М. Греннингом представлений о феноменологическом уровне сознания хотелось бы поставить вопрос: всегда ли феномены есть то, чем они кажутся? Их трактовка носит психологический характер, но, если предположить, что феномен не раскрывает своей сущности, как тогда его «завоевать»?

Городское пространство является территорией ожесточенной символической борьбы. Внутреннее содержание символических систем связано с множеством переживаемых в городе символических форм, среди которых самыми фундаментально значимыми можно считать мифологию и язык. Язык – инструмент мысли, который в столь же высокой степени способен затуманить смысл, сколько его прояснить. Э. Кассирер утверждает, что «подлинно строгое и точное мышление всегда опирается на символику и семиотику» [13, с. 22]. В городском пространстве множественные символические системы наслаиваются друг на друга до степени, не позволяющей выстраивать непротиворечивую картину городских смыслов.

Городская мифология и обстоятельства языка служат одновременно и препятствиями, и инструментами на пути реализации интенций пространственного сознания. Попытки «прямой конфронтации» со значимыми символическими системами города обречены на провал. Невозможно уничтожить мифологию – ее нужно заменить альтернативной. Иконоборчество, которое в широком смысле означает борьбу с символами, мало эффективна при отсутствии альтернатив. Города «учительствуют» [13], вовлекая жителей в переживание и интерпретацию. Имплицитный дидактизм, присущий городам, заставляет непрерывно ставить вопрос о характере предлагаемого материала для обучения. Это – свойство как реальных городов, так и потенциальных утопических проектов. Разница лишь в степени их актуализации: реальные города практикуют «обучение» каждый день, в то время как для городских утопий это всегда проект туманного и не до конца сформированного будущего.

«Здания и города – инструменты и музеи времени. Они позволяют нам увидеть и понять ход истории и поучаствовать в движении временных циклов, превышающих продолжительность отдельной жизни». [3, с. 44].

Интенциональное пространственное сознание по своей природе является утопическим; при этом инструментарий утопического, несмотря на поверхностные коннотации всеобщего блага, репрессивен. Причины последнего несколько, и все они связаны не только с пространственным, но и временным расстоянием между созданием проекта и его реализацией. Недаром завоевание времени видится одной из ключевых задач проектов-утопий. Поставленные в рамках реализации конечные цели могут измениться, а их неопределенность, невозможность точной прогнозности придает проектам черты религиозности, веры в существование вечности. По утверждению К. Роу и Ф. Кетера, одинаково проблематичны как историцизм, так и неофутуризм, поскольку они вписаны в систему, где «история [является] предметом менеджмента разума» [13, р. 123]. Когда описываются утопии, редко упоминается, что они находятся в конкурентном поле с разными политическими идеями, а значит, и в политическом противостоянии.

По очень точному замечанию А. Рапппорта, отразившему в своих рассуждениях сложную борьбу в человеке времени и пространства: «Время непроницаемо более, чем пространство, и ближе к вечности, чем все, что в нем случается» [14, с. 58].

Политическая борьба становится эффективнее при применении комбинации технократического и символического инструментария. Так, масштабную идею городского изменения можно разделить на части, представив в виде локальных плановых изменений. В 1960-х именно так поменялась одна из самых важных символических частей городских изменений – их картографирование. Изоморфизм городских зданий был заменен на предельную схематизацию символов, универсализацию подхода, которая эффективно «боролась» со временем, потраченным на объяснения и перевод разных символических языков. Вслед за этим возникла и схематизация в реальном городском пространстве. После Второй мировой войны сложность и витиеватость была заменена на повторяемость паттерна кварталов, наведение единообразного порядка, в котором «укрошались» и время, и пространство. Повторяемость инфраструктурных элементов в районах привела к рассредоточению жителей, ликвидирован таким образом идею единого центра. В 1990-х городское планирование все больше смещалось в сторону динамики и множественных интерпретаций пространства, реляционного соотношения его элементов: пространство должно быть дифференцировано и социально сконструировано. На уровне материальных объектов это означало смещение внимания на способы связи мест – хабы, трансферные и транзитные зоны.

Как утверждает П. Хили, «природа пространственного сознания выражается в стратегии, способе понимания множественных уровней социальных отношений места, а также той степени, до которой сложность взаимосвязей схвачена и выражена в стратегии» [15, р. 527]. В этом представлении заложен эпистемический критерий понимания вариативности и разнообразия социальных отношений, определяющих стратегию работы и изменений пространства в пошаговой нормативной установке. Стратегии могут обладать сильной или слабой артикуляцией в зависимости от глубины понимания связей. На уровне визуальной разработки современного плана видно, что на нем представлено со всей решительностью четкими линиями, а что компромиссно – пунктиром. Это – силовые линии, показывающие потенциальные конфликты и попытки их разрешения.

Степень артикулированности стратегии связана с тем, насколько ясны представления на каждом из трех уровней пространственного сознания: феноменологическом, репрезентативном и интенциональном. Переводя это на язык практики планирования, любой проект городских изменений – это работа по освоению социальных и символических систем, формирующих город. В ходе работы над проектом необходимо осваивать не только сами системы, но и методы их взаимного перевода на язык семиотики и синтаксиса, а также их транзита в символические структуры материальных объектов. Сильные и слабые артикуляции стратегии реализуются на уровне городского планирования, участниками которого в разных системах могут быть и профессионалы – архитекторы и специалисты по благоустройству городской среды, и активные гражданские сообщества, если их участие предусмотрено соответствующими нормативными процедурами.

Итоги

Рассмотрение города в связи с пространственными аспектами позволяет увидеть, чем урбанизм отличается от общей социальной теории. Будучи средоточием достижений цивилизации, город позволяет синхронно переживать множество символических наслоений, определяющих и переопределяющих идентичность личности в аспекте места.

Пространственное сознание позволяет оценивать реконфигурации как в ценностях людей, городских сообществ, так и институций, занимающихся проектами городского планирования. Городское пространство становится местом реализации артикулированных стратегий преобразования территории, борьбы политических сил, капитала и мифологий, непосредственно влияющих на «чувство» места жителей городов. Оно становится сосредоточением исторического опыта, футуристических интенций и актуальных социальных трансформаций.

Литература

1. Law, J. *Organizing modernity: social ordering and social theory*. – Oxford : Blackwell, 1994. – 219 p.
2. Pallasmaa, J. *The eyes of the skin. Architecture and the senses*. 4th ed. London : John Wiley & Sons Ltd., 2024. – 104 p.
3. Rose, G. Place and identity: a sense of place, in D. Massey and P. Jess (eds.) / *A place in the world? Places, cultures and globalization*. – 1995. – Oxford : the Open University. P. 88–132.
4. 32BNY: *Linked Hybrid 7 Years Later* (Steven Holl). – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0> (дата обращения: 29.06.2024).
5. Said, E. *Orientalism*. New York: Vintage books a division of Random house, 1979. – 368 p.
6. Muller, M. *Assemblages and actor-networks: Rethinking socio-material power, politics and space // Geography Compass*. – 2015. – № 9(1). – P. 27– 41. – URL: <https://doi.org/10.1111/gec3.12192> (дата обращения: 15.06.2024).
7. Sennett, R. *Flesh and stone. The body and the city in Western civilization*. New York, London: W.W. Norton & Company, 1996. – 431 p.
8. Campbell, E. *Publish sphere as assemblage: the cultural politics of roadside memorialization // British journal of sociology*. – 2013. – Vol. 64. – Iss. 3. – P. 527–547.
9. Galland, D., Grinnong, M. *Spatial consciousness, in Orum A. (ed.) / The Wiley Blackwell encyclopaedia of urban and regional studies*. – 2019. – London: John Wiley & Sons Ltd. – URL: <https://doi.org/10.1002/9781118568446.eurs0308> (дата обращения: 15.06.2024).
10. Левинас, Э. *Избранное: Тотальность и бесконечное*. – Москва; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. – 415 с.
11. Мерло-Понти, М. *Феноменология восприятия*. – Санкт-Петербург : Ювента : Наука, 1999. – 606 с.
12. Кассирер, Э. *Философия символических форм. Язык. Том 1*. – Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002. – 270 с.
13. Раппапорт, А. *О месте и гении места // Проект Байкал*. – 2023. – № 77. – С. 56–58. – DOI: 10.51461/issn.2309-3072/77.2189.
14. Rowe, C., Koetter, F. *Collage city*. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1978. – 186 p.
15. Healey, P. *Relational complexity and the imaginative power of strategic spatial planning in Europe // European planning studies*. – № 14 (4). – P. 525–546.

References

- Campbell, E. (2013). Publish sphere as assemblage: the cultural politics of roadside memorialization. *British journal of sociology*, 64 (3), 527-547.
- Galland, D., & Grinnong, M. (2019). Spatial consciousness. In A. Orum (Ed.), *The Wiley Blackwell encyclopaedia of urban and regional studies*. London: John Wiley & Sons Ltd. DOI: 10.1002/9781118568446.eurs0308.
- Healey, P. (2006). Relational complexity and the imaginative power of strategic spatial planning in Europe. *European planning studies*, 14(4), 525-546.
- Kassirer, E. (2002). *Filosofiya simvolicheskikh form. Yazyk*. [The philosophy of symbolic forms] (S. A. Romashko, Trans.) (Vol. 1). Moscow, Saint-Petersburg: University book.
- Law, J. (1994). *Organizing modernity: social ordering and social theory*. Oxford: Blackwell.
- Levinas, E. (2000). *Izbrannoe: Total`nost` i beskonechnoe. [Selected works. Totality and Infinity]* (I. S. Vdovina, B. V. Dubin, N. B. Man`kovskaya, A. V. Yampol`skaya, Trans.). Moscow; Saint-Petersburg: University book.
- Merlo-Ponti, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya. [Phenomenology of perception]* (I. S. Vdovina, S. L. Fokina, Trans.). Moscow; Saint-Petersburg: Uventa; Nauka.
- Muller, M. (2015). Assemblages and actor-networks: Rethinking socio-material power, politics and space. *Geography Compass*, 9(1), 27-41. DOI:10.1111/gec3.12192.
- Pallasmaa, J. (2024) *The eyes of the skin. Architecture and the senses* (4th ed.). London: John Wiley & Sons Ltd.
- Rappaport, A. (2023). On the place and the genius of the place. *Project Baikal*, 20(77), 56-58. DOI: 10.51461/issn.2309-3072/77.2189.
- Rose, G. (1995). Place and identity: a sense of place. In D. Massey and P. Jess (Eds.), *A place in the world? Places, cultures and globalization* (pp. 88-132). Oxford: the Open university.
- Rowe, C., & Koetter, F. (1978). *Collage city*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Said, E. (1979). *Orientalism*. New York: Vintage books a division of Random house.
- Sennett, R. (1996). *Flesh and stone. The body and the city in Western civilization*. New York; London: W.W. Norton & Company.
- Spirit of Space. (n.d.). *32BNY: Linked Hybrid 7 Years Later* (Steven Holl). Retrieved June 29, 2024, from <https://www.youtube.com/watch?v=HaVG4V25av0>